

ВЗГЛЯДЪ

НА ПОСТЕЩЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ РЕКРУТА И СОЛДАТА.

Рѣдко переходъ изъ одного состоянія въ другое бываетъ такъ крутъ и рѣзокъ, какъ переходъ рекрута отъ домашняго быта въ военное сословіе.

Отрываясь отъ роднаго и близкаго, отъ всего, къ чему привыкъ съ дѣтства, рекрутъ знаетъ очень хорошо, что разстанется на долгое время, на весь періодъ своей службы; что если и вернется когда нибудь на родину, то легко можетъ не застать въ живыхъ своихъ родителей и родственниковъ, не найти и той любви и привѣта, къ которымъ такъ привыкъ въ своей семьѣ.

Къ горькому для всѣхъ насъ чувству разлуки, примѣшивается полное невѣдѣніе того быта, въ который готовится вступить каждый рекрутъ,—даже новая форма одежды имѣетъ вліяніе на его нравственное состояніе.

Понятно, послѣ этого, что проводы рекрута скорѣе похожи на проводы покойника, чѣмъ на прощанье съ живымъ человекомъ. Неудивительно, если такъ непривѣтливъ кажется рекруту этотъ быстрый переходъ къ другой жизни, къ инымъ требованіямъ и условіямъ ея, эта внезапная перемѣна въ его положеніи, не сулящая съ разу ничего радостнаго и хорошаго, и только пугающая и безъ того запуганное съ дѣтства воображеніе и

длиннымъ періодомъ службы, и тѣми непріятностями и лишеніями, о которыхъ такъ умѣютъ красно рассказывать люди, никогда не испытавшіе ихъ, и не имѣющіе никакого понятія ни о военной службѣ, ни о настоящемъ бытѣ солдата.

Оттого, при представленіи въ рекрутское присутствіе, самъ рекрутъ, вмѣстѣ со всѣми родными своими, всѣми правдами и неправдами старается избавиться отъ военной службы; оттого нерѣдко тратятся значительныя для крестьянина суммы, лишь бы выручить своего сына и замѣнить его другимъ. Но тотъ или другой принимается наконецъ, и съ тѣхъ поръ для него настаетъ иная жизнь, являются новые товарищи. Робкой боязливо смотритъ онъ на нихъ, и еще больше дичится своихъ начальниковъ. Непривычныя для него требованія, незнакомыя обязанности, часто при самомъ поступленіи на службу нисколько не объясняемыя, кажутся слишкомъ тяжелыми, и рѣдко найдется сострадательный человѣкъ, который участіемъ своимъ сьумѣетъ хоть нѣсколько облегчить эту незавидную долю.

Не будемъ доискиваться всѣхъ причинъ слишкомъ не легкаго положенія рекрута, этой неохоты его къ военной службѣ, доходящей иногда до отвращенія. Скажемъ только, что если все это дѣйствительно существуетъ, то на совѣсти cadaго изъ новыхъ и ближайшихъ начальниковъ рекрута лежитъ великая и святая обязанность облегчить его участь. Достигнуть этого скорѣе всего можно добросовѣстнымъ назначеніемъ *дядекъ*. Опытъ говорить намъ, что рекруты въ весьма короткое время совершенно подчиняются вліянію стараго солдата, которому порученъ на попеченіе, и отъ него перваго принимаетъ дурныя или хорошія стороны. Солдатъ, здраво и ясно понимающій свои обязанности, привыкшій честно исполнять ихъ, преданный службѣ и своему званію, никогда не наведетъ рекрута на что нибудь дурное. Снисходительный къ незнанію, кроткій и терпѣливый въ обращеніи, онъ скорѣе захочетъ своего *племяша* (*) къ службѣ, сглаживая незамѣтно тотъ рѣзкій переходъ къ новой жизни и ея требованіямъ, который обыкновенно не легко и не скоро забывается.

Весьма часто рекруты, отданный за дурную нравственность, и случайно поступившій къ добросовѣстному *дядкѣ*, замѣтно

(*) Слово, обозначающее на солдатскомъ языкѣ рекрута.

исправляется, и напротивъ того, большая часть побѣговъ, дѣлаемыхъ рекрутами изъ своихъ частей, имѣютъ причиною не глупость, — какъ они обыкновенно показываютъ при допросѣ и слѣдствіи, а прежде всего или мелкія притѣсненія со стороны дядекъ, или же грубую строгость, не рѣдко имѣющую основаніемъ одно желаніе довести своего воспитанника, въ скорѣйшее время, до возможной степени совершенства въ знаніи служебныхъ обязанностей.

Въ три и въ шесть мѣсяцевъ, желаютъ иногда изъ рекрута выработать солдата, забывая, что для этого прежде всего нужно время и разумная постепенность при ознакомленіи его съ новыми обязанностями, требующая не перескакиванія отъ одного предмета на другой, а терпѣливаго и основательнаго изученія. Оттого, запуганный съ разу многосложностію своихъ новыхъ обязанностей, нетерпѣніемъ и вспышками обучающаго, рекрутъ за-частую кончаетъ тѣмъ, что ставши впоследствии во фронтъ, проживаетъ всю свою службу, не зная навѣрное, чего ждетъ, и что требуетъ отъ него эта самая служба.

Безъ прочнаго и разумнаго основанія, трудно подвигаться впередъ и совершенствоваться и болѣе развитому человѣку, чѣмъ нашъ крестьянинъ; а такого то вѣрнаго фундамента часто не получаетъ рекрутъ. Торопясь переходить отъ одного предмета къ другому, спѣша кое какъ набить несчастную голову, далеко не привыкшую къ умственной работѣ, разными свѣдѣніями, такъ естественно кажушимися рекруту выше всякой премудрости, часто достигаютъ только того, что онъ принимаетъ эти свѣдѣнія лишь по виду, такъ сказать, на показъ начальству, — достигаютъ, слѣдовательно, такого результата, который самъ по себѣ не стоитъ ни труда, ни потраченнаго времени.

Во избѣжаніе этого, а также и того разногласія въ нѣкоторыхъ приѣмахъ при самомъ обученіи, которое, завися отъ характера и взгляда начальниковъ на служебныя обязанности, необходимо являются, когда рекруты разбиты по всѣмъ ротамъ полка, намъ кажется совершенно рациональнымъ, если при своемъ поступленіи, они будутъ назначаться на первый годъ въ особыя команды, или *рекрутскія школы*, учреждаемыя при каждомъ полку и отдѣльной части.

Снабженныя достаточнымъ числомъ отличнѣйшихъ по своему поведенію и расторопности старослужащихъ солдатъ и унтеръ-

офицеровъ, которымъ, съ полною надеждою на добросовѣстность ихъ, можно было бы довѣрить пригготовительное обученіе рекрутъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ офицеровъ и начальника школы,—эти рекрутскія школы могутъ принести значительную пользу, какъ самому образованію рекрутъ, при нахожденіи въ нихъ, такъ и дальнѣйшему развитію ихъ, при поступленіи на дѣйствительную, строевую службу.

Такъ какъ удачный выборъ начальника школы, какъ главнаго руководителя при всѣхъ занятіяхъ рекрутъ, имѣетъ весьма важное вліяніе на самый ходъ обученія рекрутъ, и какъ приготовленіе изъ нихъ хорошо и дѣльно развитыхъ солдатъ требуетъ не одного знанія фронтальной службы и уставовъ, а обусловливается и умѣньемъ передавать другимъ это знаніе, и самымъ характеромъ обучающаго, то намъ кажется совершенно справедливымъ прежде всего обратить должное вниманіе на этотъ выборъ. Начальникомъ школы, по нашему мнѣнію, долженъ назначаться одинъ изъ самыхъ опытныхъ ротныхъ командировъ, обладающій весьма необходимою принадлежностію характера—терпѣньемъ и хладнокровіемъ при обученіи нижнихъ чиновъ.

Приучая рекрута постепенно къ военному быту, начальникъ школы не долженъ забывать, что ничто такъ хорошо не помогаетъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ, какъ доброе обращеніе и возможная внимательность къ способностямъ cadaго чловѣка, къ его нуждамъ и потребностямъ.

Тогда рекрутъ не привыкнетъ видѣть въ начальникѣ, какъ иногда случается, только лицо карательное, облеченное властію для того только, чтобы взыскивать съ провинившагося; начальникъ же, въ свою очередь, черезъ большее сближеніе съ нижними чинами, невольно и незамѣтно перестанетъ смотрѣть на солдата, какъ на бессмысленную машину, неумѣющую ни разсуждать, ни думать, и способную только безусловно и безропотно исполнять приказанія начальства, нужныя и непужныя. Дорожа мнѣньемъ своихъ товарищей-сослуживцевъ, разумно и честно заслуживая вниманія начальства, онъ въ то же время не упуститъ изъ виду, что можно и должно дорожить мнѣньемъ и своихъ подчиненныхъ. Такой взглядъ и такое естественное понятіе оберегутъ и самого ближайшаго начальника отъ многого: приученный видѣть въ подчиненныхъ ему нижнихъ чинахъ людей мыслящихъ и разсуждающихъ, знающій очень хорошо, что такіе люди со-

вершенно вѣрно поймутъ и оцѣнятъ всѣ его поступки и дѣйствія, онъ самъ будетъ внимательнѣе къ своимъ распоряженіямъ, сдержаннѣе въ словахъ и выраженіяхъ, такъ часто и такъ неосторожно нами употребляемыхъ, собственно потому только, что эти рѣзкія слова говорятся при солдатѣ, который за нихъ не осудитъ.

Совершенно ошибочно думаютъ нѣкоторые, что для того, чтобы поддѣлаться подъ тонъ солдата, говорить съ нимъ его же языкомъ и выраженіями, необходимо вставлять въ свою рѣчь разные *крѣпкія* слова.

Чистота мысли присуща каждому человѣку, и если понятіе объ ней у однихъ не такъ ясно и разумно, то причину этого надо прежде всего искать въ бо́льшей или мѣньшей неразвитости въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ.

Потакать подобной неразвитости, стараться вызывать улыбку ея при какомъ нибудь ловко сказанномъ неприличномъ выраженіи, — значитъ непонимать той прекрасной и благородной цѣли, къ которой должны быть направлены всѣ дѣйствія ближайшихъ начальниковъ.

Говоря объ отношеніяхъ къ рекруту и солдату, мы должны замѣтить, что со стороны начальника нужно много осторожности и такта, чтобы, желая избѣгнуть строгости, не впасть въ другую крайность. Строго осуждая неразборчиво крутое обращеніе съ нижними чинами вообще, и въ особенности съ рекрутами, какъ не достигающее ничего, кромѣ однихъ отрицательныхъ результатовъ, мы одинаково готовы осудить и крайнюю противоположность его — безотчетную доброту и слишкомъ снисходительную слабость.

Дѣйствуя ровно и спокойно, стараясь прежде всякаго взысканія убѣдить провинившагося и растолковать вину его, чтобы онъ зналъ и видѣлъ, что наказаніе производится не по прихоти взыскивающаго, — необходимо въ то же время не упускать изъ виду, чтобы онъ понялъ наши наставленія, иначе они пропадутъ по напрасну; а этого, конечно, нельзя достигнуть, давши мѣсто своему, хоть и справедливому, гнѣву. И если подчиненные нижніе чины будутъ понимать страхъ стыда наказанія, а не боль, или физическую тяжесть его, тогда каждый изъ начальниковъ можетъ сказать, что вполне достигъ своей цѣли (*).

(*) И въ этомъ случаѣ должно быть своего рода умѣнье. Мы помнимъ

Говоря о взысканіяхъ, перейдемъ къ тѣлесному наказанію. Въ послѣднее время, когда было поднято такъ много разумныхъ вопросовъ, и это наказаніе не было забыто, и возбудило весьма жаркіе споры: какъ водится, нашлись немилосердые каратели этого варварскаго обычая, — явились и его защитники. Не входя въ подробные разборы доводовъ, приводимыхъ какъ тѣми, такъ и другими, скажемъ однако, что если оно дѣйствительно необходимо въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, то тѣмъ болѣе чести тому, кто съумѣетъ по возможности избѣжать его. Мы сами, обращаясь къ прежнимъ годамъ нашей службы, весьма хорошо помнимъ то время, когда подобное наказаніе было въ большомъ ходу и употребленіи, и съ дургой стороны, испытали на опытѣ, что можно быть далеко не слабымъ начальникомъ, и все-таки въ продолженіе весьма значительнаго времени не имѣть ни одного тѣлесно наказаннаго въ своей части.

Обыкновеніе, заведенный порядокъ, часто весьма неразумные, много помогаютъ укорененію того или другаго способа обращенія со своими подчиненными, и въ томъ случаѣ, какъ и всегда впрочемъ, весьма значительное вліяніе имѣютъ старшіе члены общества на младшихъ. Послѣдніе, выходя изъ военно-учебныхъ заведеній, часто краснѣютъ и волнуются не только присутствуя по необходимости при тѣлесныхъ наказаніяхъ, производимыхъ начальниками, но и слыша какія нибудь неприличныя слова, слѣдовательно, по способу своего воспитанія, казалось, не могутъ имѣть особаго пристрастія къ тѣлесному наказанію; а между тѣмъ, какъ нерѣдко, съ годами и обстоятельствами, и они въ свою очередь привыкаютъ къ подобному обращенію, доходящему иногда до весьма неразборчивой строгости. Характеръ молодаго чело-вѣка, если и находится въ значительной зависимости отъ воспитанія, то съ другой стороны, при окончательномъ развитіи своемъ, далеко не останется безъ вліянія на него всего окружающаго, потому что примѣръ весьма заразителенъ въ это переходное время, когда понятія о жизни, ея требованія, обстановкѣ и условіяхъ, еще не окрѣпли и не установились. Эту истину испытали

одного изъ ближайшихъ начальниковъ, который, имѣя нѣкоторое пристрастіе къ тѣлесному наказанію, постоянно проповѣдывалъ наказанному, что тѣло его хотя и страждетъ, но за то душа радуется, — мысль отчасти можетъ быть и справедливая, но совершенно непонятная для солдата, особливо когда ее развиваютъ подъ розгами.

и знаетъ каждый изъ насъ; но къ сожалѣнію, далеко не каждый обращаетъ на важность ея достаточное вниманіе.

Такимъ образомъ, если тѣлесное наказаніе слѣдуетъ допустить только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ весьма рѣдкое исключеніе, то тѣмъ не менѣе должно совершенно позабыть о такъ называемыхъ мгновенныхъ расправахъ: побояхъ, ударахъ, толчкахъ и т. п., и вообще, какъ говорится: «безъ разсужденія не творить осужденіе.» Если спокойное обращеніе съ подчиненными, во всякое время, такъ хорошо говоритъ въ пользу начальника, и такъ благотѣльно дѣйствуетъ на подчиненныхъ, то тѣмъ болѣе оно должно выдерживаться во фронтѣ, святость котораго для военнаго человѣка всегда должна быть памятна (*).

Сказанное нами объ обращеніи начальника съ подчиненными вообще еще болѣе должно относиться до обращенія съ рекрутами. Не слѣдуетъ забывать, что ни къ кому мы не должны быть такъ снисходительны, какъ къ тѣмъ, которые только что начинаютъ свою службу, готовятся, такъ сказать, войти во всѣ ея требованія и обязательства.

Слово, и слово ровное и возможно примѣненное къ ихъ понятіямъ, должно служить первѣйшимъ и лучшимъ убѣжденіемъ и вразумленіемъ провинившемуся.

Само собою разумѣется, что держась подобныхъ правилъ, начальникъ строго и бдительно долженъ наблюдать, чтобы и подчиненные ему начальники, изъ нижнихъ чиновъ, обраща-

(*). Какъ надо быть разборчивымъ и осторожнымъ при взысканіяхъ съ нижнихъ чиновъ, мы, изъ числа многихъ, приведемъ слѣдующій примѣръ: одинъ изъ лучшихъ солдатъ въ ротѣ, находясь какъ то вѣстовымъ у своего начальника, сдѣлалъ весьма незначительную покружу. Преступленіе его прошло незамѣченнымъ, когда, спустя нѣсколько времени, онъ самъ пришелъ къ ротному командиру и чистосердечно сознался въ своемъ проступкѣ. Вида полное его раскаяніе, зная его нѣсколько лѣтъ, какъ честнаго и прекраснаго человѣка, ротный командиръ ограничился однимъ наставленіемъ. Прошло еще нѣсколько времени, и опять тотъ же солдатъ отлучился изъ роты, пропадавъ два дня, и по прежнему самъ явился къ ротному командиру, говоря, что совѣсть его мучить, потому что онъ чувствуетъ, что къ нему были слишкомъ снисходительны, и что онъ нарочно ушелъ, чтобы его строже наказали, какъ за прежній проступокъ, такъ и за самовольную отлучку. Такъ было и сдѣлано, и съ тѣхъ поръ этотъ солдатъ въ теченіе всей остальной своей службы велъ себя не только безукоризненно, но постоянно отличался необыкновенною честностію и рѣдкимъ усердіемъ при исполненіи своихъ обязанностей.

лись съ должною осмотрительною съ рекрутами. Услѣдить за этимъ очень трудно, и потому для начальника рекрутской школы совершенно необходима помощь младшихъ офицеровъ, какъ ближайшихъ его помощниковъ, и строгій, добросовѣстный выборъ нижнихъ чиновъ, при назначеніи ихъ дядьками и начальниками въ рекрутскую школу.

Къ сожалѣнію, младшіе офицеры у насъ болѣе гости, чѣмъ хозяева при домашнемъ и, конечно, главнѣйшемъ обученіи солдата. Устранить этотъ недостатокъ—весьма трудная задача, тѣмъ не менѣе исполненіе ея было бы очень желательно.

Мы, впрочемъ, не рѣшимся обвинить только младшихъ офицеровъ. Они, съ своей стороны, большею частію охотно исполняютъ то, что отъ нихъ требуется: ходятъ на одиночныя ученья, и такъ, или иначе, отбываютъ урочные часы въ казармахъ; знаютъ фамиліи людей своего отдѣленія, и на смотрахъ перекликаютъ его безъ запинки.... Но полезно ли одно такое знаніе—дѣло памяти и трудъ нѣсколькихъ часовъ? То ли должна ожидать служба, и можно ли довольствоваться, если младшій офицеръ, минута въ минуту, явится на одиночное ученье и проскучаетъ въ казармахъ заранѣе опредѣленное приказомъ по полку время?

Всѣ мы, прослужившіе болѣе или мѣнѣе значительный періодъ, говоря обыкновенно о младшихъ офицерахъ, съ какимъ то особеннымъ удовольствіемъ, любимъ выставлять для примѣра свою прежнюю службу въ первыхъ чинахъ. Но правы ли мы, упрекая нынѣшнее молодое поколѣніе, и говоря, что сами далеко не такъ исполняли свои служебныя обязанности по обученію солдата?

Требовалось ли это необходимое условіе прежде? Не дѣлали ли и мы сами точно тоже, что теперь, въ свою очередь, дѣлаютъ другіе; не тяготились ли мы одиночными ученьями, какъ тяготеются ими теперь?...

Если причина подобнаго уклоненія младшихъ офицеровъ одна, то и послѣдствія ея должны быть одинаковы. А главная причина, какъ намъ кажется, именно таже, что была и прежде: какъ тогда, такъ и въ настоящее время, офицеръ завѣдывалъ своимъ отдѣленіемъ въ ротѣ только по наружной части, для смотровъ и отчетовъ, а вся отвѣтственность за неправильное и недостаточное обученіе нижнихъ чиновъ падала и падаетъ на однихъ ротныхъ

командировъ. Младшіе офицеры даже по нѣскольку разъ въ году переводились изъ роты въ роту, чего не дѣлалось, между прочимъ, съ унтеръ-офицерами, — и одинъ этотъ переводъ уже ясно показывалъ, что если его дѣлали, то значитъ считали нисколько не вреднымъ, какъ для самаго офицера, такъ и для успѣшнаго хода образованія солдата. И онъ, дѣйствительно, нисколько не нарушалъ этого хода: офицеръ, убывая изъ одной роты въ другую, являлся къ новому ротному командиру, получалъ въ ротѣ слѣдующее ему отдѣленіе, вытверживалъ фамиліи солдатъ, что, какъ мы уже замѣтили, при хорошей памяти, можно сдѣлать въ нѣсколько часовъ, — и по прежнему становился хладнокровнымъ и безучастнымъ зрителемъ обученія солдата.

Требовалось отъ него, чтобы онъ не опаздывалъ на ученіе, чтобы громко командовалъ своимъ взводомъ, чтобы несмотря на отсутствіе занятій въ ротѣ, все таки исправно являлся на ротныя ученія, — и онъ по возможности исполнялъ эти требованія, даже щегольски одѣвался, не смотря на свое весьма недостаточное содержаніе.

Все сказанное нами ясно указываетъ на необходимость занять младшихъ офицеровъ, и для того, если не всѣмъ, то хотя старшимъ изъ нихъ, пазначить отдѣльныя части — по два отдѣленія, или взодъ, съ полною отвѣтственностію за ихъ обученіе.

За тѣмъ, остальные офицеры, состоя въ ротахъ, безъ особыхъ занятій, кромѣ, конечно, того, который завѣдуетъ обученіемъ грамотъ, — могутъ и должны присматриваться къ ходу и приѣмамъ самаго обученія, и чрезъ то пріобрѣтутъ необходимый навыкъ въ этомъ дѣлѣ (*).

Тогда, по крайней мѣрѣ, многіе изъ младшихъ офицеровъ, имѣя въ ротѣ постоянное занятіе, будутъ больше интересоваться и внутреннимъ порядкомъ роты, и ея хозяйствомъ, и, наконецъ, характеромъ и способностями каждаго солдата (**).

(*) Само собою разумѣется, что офицеровъ, завѣдующихъ взводами въ ротѣ, не слѣдуетъ безъ особенно настоятельной необходимости переподить изъ одной роты въ другую, и что всѣ командировки должны исполняться тѣми изъ младшихъ офицеровъ, которые не завѣдуютъ частями.

(**) Справѣдливость нашего мнѣнія лучше всего доказываютъ тѣ изъ гг. младшихъ офицеровъ, которые занимаются грамотностію съ нижними чинами. Имѣя свои весьма нелегкія обязанности въ ротѣ, они довольно коротко успѣли познакомиться съ своими учениками, и очень охотно занимаются съ ними.

Что касается начальниковъ изъ нижнихъ чиновъ, то прежде всего мы замѣтимъ, что понятія объ учителѣ и о тѣхъ условіяхъ, которымъ солдатъ долженъ удовлетворять при производствѣ своемъ въ ефрейторы и унтеръ-офицеры, между всѣми нами весьма еще сбивчивы и разнообразны.

Нѣкоторые изъ насъ, ревностные приверженцы старины, увлекаясь сладкими воспоминаніями молодости, до сихъ поръ продолжаютъ еще смотрѣть на солдата, какъ на отлично стройную машину. Оттого и всѣ требованія ихъ, относительно образованія унтеръ-офицера, большею частію сбиваются на такія выраженія: «отлично стоитъ», «весело смотритъ», «прекрасно маршируетъ», «превосходно дѣлаетъ ружейные приемы, и поставленный во «фронтъ, почти по цѣлымъ часамъ не шевелится». Эти господа, поклонники видной наружности и какого то особеннаго *веселого* взгляда въ солдатѣ, горько иногда сѣтуютъ, что прошло то золотое, по ихъ понятіямъ, время, когда отъ тихаго шага можно было придти въ трогательное умленіе, когда солдатъ обколачивалъ объ ружье свои руки, когда, однимъ словомъ, много было хорошаго, но неразумнаго, когда все было только для виду.

Другіе, хотя и поняли отчасти всѣ невыгоды подобнаго образованія солдата, но не могутъ еще совершенно отрѣшиться отъ старыхъ убѣжденій.

Требуя красивую стойку, щеголеватость въ ружейныхъ приемахъ, восхищаясь *веселымъ* взглядомъ и удивительною маршировкой, они не прочь въ то же время видѣть въ унтеръ-офицерахъ и ефрейторахъ и расторопность, и смѣливость, и ловкость, и даже не только знаніе устава, но и умѣнье объяснить: почему это такъ, а не иначе дѣлается; почему, напримѣръ, люди, находящіеся въ цѣпи, по сигналу: «строить колонну», идутъ шагамъ, а не бѣгомъ, и т. п. Это, такъ сказать, военные идеалисты, люди не умѣющіе остановиться на золотой серединѣ, не уяснившіе себѣ возможность исполненія подобныхъ требованій, забывающіе, что разомъ всего не сдѣлаешь, и что, по мѣткой пословицѣ, «если погонишься за двумя зайцами, то и одного не поймашь.»

Третьи, желая въ унтеръ-офицерахъ и ефрейторахъ, какъ имѣющихъ главное назначеніе обучать другихъ солдатъ, видѣть прежде всего представителей толковитости, расторопности и большей развитости въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, снисходительно смотрятъ на ихъ нѣкоторые недостатки по фрон-

товому образованію. Понимая очень хорошо, что красивая наружность и правильное сложеніе не особенныя еще достоинства и необходимая принадлежность каждаго унтеръ-офицера; зная по опыту, что можно весьма не щеголевато маршировать и дѣлать ружейныя приемы, и все таки быть прекраснымъ учителемъ, — эти господа держатся того правила, что и дурно сложенный и некрасивый солдатъ можетъ быть полезнымъ унтеръ-офицеромъ, если только онъ достоинъ такого званія.

Но мы остановимся на этомъ. Не желая перечислять другихъ мнѣній, мы только хотѣли показать, какъ они разнообразны. Каждый и безъ перечисленія знаетъ, что всякій начальникъ имѣетъ *свой* взглядъ, *свои* требованія, *свои* понятія и въ силу того всякій, къ сожалѣнію, только и думаетъ о томъ, чтобы его подчиненные исполняли *его* требованія, соображались съ *его* понятіями, усвоивали *его* взгляды. Мы не беремъ объяснять, легко ли это, или трудно, и приносить ли такое принаровливаніе не къ требованіямъ службы, а къ понятіямъ о нихъ начальника, хотя малѣйшую пользу, замѣтимъ только, что если нѣтъ общаго, единаго взгляда на службу и ея требованія, то трудно достигнуть его, когда всѣ мы не можемъ еще отвыкнуть отъ того, чтобы видѣть въ подчиненныхъ нѣчто безгласно и безропотно намъ покорное, когда слова: «я хочу, я требую», не могутъ еще замѣниться, не по одному выраженію, а по дѣйствительности, другими, болѣе значащими и законными словами: «этого требуетъ служба, этого требуютъ общая польза и благо», когда до сихъ поръ мы такъ падки еще не на исполненіе благородныхъ и честныхъ обязанностей по службѣ, а на большее или меньшее приживаніе начальству.

Возвращаясь опять къ прерванному нами предмету, мы должны сказать, что на обращеніе начальниковъ изъ нижнихъ чиновъ съ рекрутами прежде всего имѣетъ значительное вліяніе примѣръ начальниковъ—офицеровъ. Недостаточно развитые въ нравственномъ отношеніи, многіе изъ нихъ весьма не ясно понимаютъ чувства снисходительности и необходимаго терпѣнія при обученіи рекрутъ. Считая ихъ ниже себя даже потому только, что они полны невѣжды въ знаніи служебныхъ обязанностей и фронтномъ образованіи, они, и въ особенности унтеръ-офицеры, часто позволяютъ себѣ обращаться съ рекрутами съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, и нерѣдко, безъ всякаго сожа-

лѣнія, назначаютъ ихъ во всѣ трудныя и непріятныя работы (*). Поднять взглядъ такихъ начальниковъ, достаточно объяснить имъ весь вредъ подобнаго обращенія,—конечно, первая обязанность завѣдующаго рекрутскою школою. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще многіе изъ насъ, сами весьма снисходительные и благо-разумно терпѣливые, весьма дорожатъ и крѣпко держатся за такихъ *усердныхъ* унтеръ-офицеровъ, и, сдерживая себя, сквозь пальцы смотрятъ на ихъ крутое и рѣзкое обращеніе съ нижними чинами. Но такъ искренно, хотя иногда, можетъ быть, и тщетно, желая умѣренности въ обращеніи своихъ начальниковъ, такъ часто осуждая за несдержанность въ выраженіяхъ при замѣчаніяхъ, дѣлаемыхъ намъ другими, не слѣдуетъ ли и намъ самимъ, въ свою очередь, позаботиться о такой же умѣренности въ подчиненныхъ намъ начальникахъ изъ нижнихъ чиновъ, тѣмъ болѣе, что на строгое обращеніе ихъ почти никогда не приводится жалобъ, особливо рекрутами, и весьма часто узнаешь о немъ только изъ слѣдственнаго дѣла по случаю побѣга, словомъ, когда эта неразборчивая строгость принесла уже очень невыгодные результаты. Говоря вообще о должномъ обращеніи начальниковъ съ подчиненными, мы считаемъ не лишнимъ прибавить, что начальникъ, офицеръ ли онъ, или изъ нижнихъ чиновъ, никогда не долженъ быть злопамятенъ. Взыскавши съ подчиненнаго за какой бы то ни было проступокъ, не слѣдуетъ, вспоминая о немъ, попрекать провинившагося. Ничто такъ разрушительно не дѣйствуетъ на возможность исправленія солдата, какъ частыя попреки. Вообще требованія, доведенныя до мелочности и придирчивости, только раздражаютъ подчиненнаго, а это раздраженіе, безъ сомнѣнія, должно имѣть вліяніе и на весь правильный ходъ и исполненіе служебныхъ обязанностей. Мы думаемъ, что для успѣшнаго и естественнаго исполненія своихъ обязанностей, весь-

(*) Кто не знаетъ той истины, что никогда не только рекрутъ, но и солдатъ не можетъ имѣть столько непріятностей отъ самаго строгаго и строптиваго начальника-офицера, какъ отъ своего же брата солдата-начальника. Находясь постоянно вмѣстѣ, начальникъ изъ нижнихъ чиновъ, если только онъ не влюбитъ за что бы то ни было своего подчиненнаго, имѣетъ полную возможность на каждомъ шагѣ доказывать свою нелюбовь, мелкими обидами и несправедливостями вымѣщать злобу и раздраженіе,—и часто бываетъ, что самый добросовѣстный ротный командиръ узнаетъ объ этомъ весьма поздно, тѣмъ болѣе, что солдатъ нашъ отличается необыкновеннымъ терпѣніемъ, и нѣдо накопится слишкомъ значительному количеству несправедливостей, чтобы онъ рѣшился на жалобу.

ма еще мало, если подчиненные уважаютъ въ начальникѣ только начальника, то есть, чинъ и званіе. Чтобы весьма важное это дѣло шло хорошо, ровно и разумно, надобно нѣчто большее наружнаго уваженія, а чтобы пріобрѣсти такое необходимое условіе, не бесполезно, конечно, заботясь о своихъ подчиненныхъ, позаботиться и о самомъ себѣ и имѣть столько твердости и благо-разумія, чтобы безпристрастно обсудить и взвѣсить то, что, такъ или иначе, можетъ нарушить нравственныя отношенія начальника со своими подчиненными, тѣмъ болѣе, что «бояться себя заста-вишь, а любить не принудишь». Какъ рѣзко вопіющее обыкно-веніе противъ только что нами высказаннаго, мы должны вы-ставить пагубную привычку нѣкоторыхъ имѣть наушниковъ, или тайныхъ пересказывателей и наперсниковъ. Желая ближе ознакомиться со своими подчиненными, войти въ нѣкоторыя по-дробности ихъ домашняго быта и даже образа мыслей, и не умѣя пріискать для этого другихъ, болѣе приличныхъ средствъ, иногда прибѣгаютъ именно къ такому неблагонамѣренному способу, счита-тая его легчайшимъ, и не обращая вниманія на то, что подобное пересказываніе, вредя нравственно подчиненному и самому на-чальнику, допускающему его, еще больше вредитъ общему по-рядку и тѣмъ нравственнымъ отношеніямъ, о необходимости ко-торыхъ мы только что говорили, потому что надо быть весьма недалновиднымъ, чтобы безотчетно положиться на слова одного лица, часто изъ-за какихъ либо своекорыстныхъ цѣлей и лич-ныхъ неприяностей дѣйствующаго враждебно противъ людей, безупречно честныхъ и совершенно безвинныхъ.

Всякое неудовольствіе, каждая жалоба, должны быть громко высказаны подчиненнымъ предъ начальникомъ, и никакіе наго-воры и секретныя сообщенія не должны имѣть мѣста въ этомъ случаѣ.

Приучая подчиненныхъ нижнихъ чиновъ къ возможной откرو-венности, не слѣдуетъ, конечно, добиваться ее какими бы то ни было крутыми мѣрами и вообще принужденіемъ, тѣмъ болѣе, что такой способъ скорѣе всего поведетъ къ еще большому от-чужденію и скрытности, и что сближенія съ ними и откровен-ности можно достигнуть только входя въ ихъ бытъ, стараясь узнать ихъ нужды и потребности; словомъ, умѣя завести съ ними не только служебныя, но и человѣческія отношенія.

Такимъ образомъ, слѣдуя высказаннымъ нами правиламъ, можно надѣяться, что и рекруты скорѣе привыкнутъ къ новому

для него военному быту, и искреннѣе и тверже привяжется къ своимъ ближайшимъ начальникамъ.

Взявши предметомъ настоящей статьи постепенное обученіе рекрута и солдата, мы не безъ намѣренія остановились такъ долго на должномъ обращеніи начальника съ подчиненными вообще, потому что твердо убѣждены, что оно играетъ весьма важную роль, какъ въ степени успѣшнаго исполненія служебныхъ обязанностей, такъ и въ самомъ дѣлѣ образованія рекрута и солдата.

Переходя теперь собственно къ самому ознакомленію рекрутъ съ условіями и требованіями военной службы, мы прежде всего замѣтимъ, что первымъ условіемъ для успѣшнаго исполненія его считаемъ возможную и строго обдуманную послѣдовательность. Поэтому не слѣдуетъ разомъ налегать на нѣсколько предметовъ изъ будущихъ обязанностей рекрута, а объясняя постепенно, доходить прежде всего до того, чтобы каждая изъ нихъ была имъ твердо и прочно понята и усвоена. Само собою разумѣется, что этого можно достигнуть не безсознательнымъ вытверживаніемъ наизусть и безъ запинки разныхъ *пунктиковъ*, а дѣльнымъ, толковымъ и терпѣливымъ объясненіемъ предмета, стараясь, чтобы рекрутъ понялъ, что хотятъ отъ него и чего требуютъ, потому что при такомъ только условіи можно быть увѣреннымъ, что онъ долго не забудетъ уроковъ обучающаго.

Учрежденіе отдѣльныхъ рекрутскихъ школъ при каждомъ полку, или, въ случаѣ слишкомъ малаго числа рекрутъ, при дивизіи, и предлагается нами, какъ единственное средство къ этой постепенности въ обученіи.

Не обременяя съ разу служебными занятіями рекрутъ, слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, прежде обратить вниманіе на ихъ умственное и нравственное развитіе. Важнѣйшимъ пособіемъ при этомъ послужить грамотность, и потому обученіе ей должно быть *обязательно* для каждого рекрута.

Въ настоящее время, при общемъ благомъ стремленіи къ большому развитію и основательному образованію, мы считаемъ совершенно неумѣстнымъ говорить о пользѣ грамотности. Довольно того, что она служитъ лучшимъ и главнѣйшимъ проводникомъ всякаго образованія, слѣдовательно польза ея не можетъ подлежать никакимъ сомнѣніямъ.

Рекруты, болѣею частію, люди молодые, конечно, способнѣе къ обученію, чѣмъ старые солдаты; но тѣмъ не менѣе, обу-

ченіе грамотѣ чловѣка взрослога требуетъ такого же, если не большаго, вниманія и терпѣнія, какъ и обученіе ребенка. Поэтому, намъ кажется, не слѣдуетъ особенно налегать на это занятіе, иначе, какъ все, что требуется чрезъ мѣру, и оно, и безъ того вначалѣ трудное и непріятное, скоро совершенно опротивѣетъ.

Во всемъ, что касается служебныхъ обязанностей, приносятъ намъ весьма значительный, хотя и не такъ замѣтный сначала вредъ не ровное, спокойное исполненіе ихъ, а какое-то странное, судорожное рвеніе непремѣнно перещеголять другихъ, отличиться во что бы то ни стало и какими бы путями не пришло это отличіе.

Кто виноватъ въ такомъ совершенно ошибочномъ направленіи: сами ли подчиненные, или ихъ начальники, или просто ложный взглядъ на отношенія однихъ къ другимъ, мы не будемъ разсматривать, а только скажемъ, что часто одно это желаніе приносить самые грустные результаты.

Сказанное нами весьма близко относится къ обученію нижнихъ чиновъ вообще, и къ обученію грамотѣ въ особенности. Занятіе это весьма ново, и потому обращаетъ на себя большое вниманіе. Увлекаясь столь естественнымъ, повидимому, желаніемъ имѣть въ своей части большее число грамотныхъ, забывая ту вѣрную истину, что при всякомъ обученіи необходима постепенность, нѣкоторые доходятъ до того, что хотя и имѣютъ дѣйствительно большее число грамотныхъ, но эта грамотность усвоена только для виду: люди, научившіеся кое-какъ читать, совершенно теряются, если заставить ихъ рассказать прочитанное; а начавшіе писать выводятъ вмѣсто буквъ какія то каракули.

Основываясь на этомъ, приступая къ весьма нелегкому дѣлу обученія грамотѣ, не слѣдуетъ стараться о быстрыхъ, изумляющихъ успѣхахъ всей массы учениковъ; а болѣе обращать вниманія на разумную послѣдовательность и основательное изученіе. Не требуя непремѣнно одинаковыхъ успѣховъ отъ всѣхъ рекрутовъ, необходимо сообразоваться со способностями каждаго изъ нихъ, терпѣливо снося ограниченность одного, неразвитость другаго, и болѣе занимаясь съ людьми, менѣе способными.

Постепенно дойдя до того, что рекруты будутъ умѣть читать внятно и неторопливо, слѣдуетъ обратить вниманіе на самую осмысленность чтенія. Грамотные солдаты, сколько намъ случа-

лось замѣтить, большею частію читаютъ совершенно машинально, вполне оправдывая замѣчаніе Гоголя, «что въ этомъ занятіи нравится имъ самый процессъ чтенія».

Избѣгать подобной механической работы, при которой и самое чтеніе не можетъ принести никакой пользы, должно быть первою заботою обучающаго. Дѣло это весьма не легкое, и потому, взявшись за него, слѣдуетъ заставлять ученика сначала прочитывать небольшіе періоды, наблюдая, чтобы онъ вчитывался въ смыслъ ихъ, правильно произносилъ каждое слово, требуя, чтобы по окончанія чтенія, онъ передавалъ, по возможности своими словами, полное содержаніе всего прочитаннаго и заставляя повторять это чтеніе, если онъ затрудняется въ передачѣ.

При такомъ занятіи, конечно, необходимымъ дѣльнымъ и толковымъ выборъ книгъ для первоначальнаго чтенія. Къ сожалѣнію, въ нашей литературѣ ихъ весьма и весьма немного. Даже журналы, специально назначенные для простолюдиновъ, не отличаются особою удобопонятностію. Намъ кажется, что главная причина того, что подобные журналы не достигаютъ своей цѣли, заключается по преимуществу въ недостаточномъ пониманіи: какъ надо писать для первоначальнаго чтенія солдата? Многие до сихъ поръ совершенно ошибочно думаютъ, что для того, чтобы это чтеніе было понятно, необходимо поддѣлываться подъ народный говоръ, или солдатскій складъ рѣчи, и потому при всякомъ удобномъ случаѣ вставляютъ разныя пословицы и поговорки, забывая, что далеко не въ нихъ таится складъ и характеръ этой рѣчи, и что всякая мысль тогда только можетъ быть понятна, когда она выражена просто и ясно, безъ лишнихъ вставокъ и украшеній. Многие изъ насъ умѣютъ говорить съ солдатомъ, но весьма немногіе умѣютъ писать для него собственно потому, что взявшись за это дѣло, мы забываемъ разговорный языкъ, и стараемся доискаться какой то особенной, искусственной рѣчи. Вотъ почему и такіе журналы, какъ, на примѣръ, «Чтеніе для Солдатъ», весьма неохотно читаются нижними чинами, и постоянно уступаютъ мѣсто какой нибудь: «Прекрасной Магометанкѣ, умирающей на гробѣ своего возлюбленнаго», «Гуаку» и другимъ произведеніямъ макулатурной литературы! Вполнѣ зная важность подобнаго недостатка и бѣдность нашей литературы въ книгахъ для первоначальнаго чтенія, мы не безъ особеннаго сочувствія посмотримъ на объявленіе объ изданіи «Народнаго Чтенія», искрен-

но надѣясь, что издатели этого журнала пополняютъ имъ значительный пробѣлъ въ удобопонятныхъ для нижнихъ чиновъ книгахъ (*)

Развивая навыкъ въ чтеніи и осмысленность его, слѣдуетъ въ то же время позаботиться и о развитіи памяти ученика. Для этого лучше и полезнѣе всего заставлять выучивать наизусть необходимыя молитвы, а также и нѣкоторыя свѣдѣнія о начальникахъ, составѣ полка и т. п. Но, повторимъ опять, все означенное слѣдуетъ дѣлать исподоволь и постепенно, сообразуясь со способностями учениковъ и ихъ развитіемъ.

Такимъ образомъ весь курсъ обученія грамотѣ рекрутъ можетъ состоять, по нашему мнѣнію, въ толковомъ знаніи читать печатныя книги. Этимъ должно ограничиться ихъ умственное развитіе въ продолженіе перваго года, т. е. до перечисленія въ рядовые.

Постепенное ознакомленіе рекрута съ фронтовымъ образованіемъ должно быть облечено по возможности въ легчайшія формы. Если рекрутъ, въ теченіе недѣли, раза два, по одному часу, будетъ занятъ фронтовымъ ученіемъ, то, намъ кажется, во все продолженіе года занимаясь такимъ образомъ, его можно достаточно приготовить для поступленія во фронтъ.

Болѣе времени полезно назначить для гимнастическихъ занятій, которыя, требуя ловкости и укрѣпляя молодыя силы, такъ много способствуютъ физическому развитію человѣка. Но при этомъ не за чѣмъ изъ гимнастики дѣлать ученіе, а допускать ее скорѣе какъ забаву и развлеченіе. Молодой солдатъ легко привыкаетъ ко всѣмъ гимнастическимъ машинамъ и охотно упражняется на нихъ, лишь бы изъ полезнаго занятія не дѣлали ученія, размѣреннаго чуть-чуть не по темпамъ, что, къ сожалѣнію, то же иногда встрѣчается.

Если къ этимъ занятіямъ, подъ конецъ года, мы прибавимъ обученіе рекрута знанію сигналовъ, и первоначальнымъ прави-

(*) Въ настоящее время первая книжка «Народнаго Чтенія» вышла, и если не совсѣмъ, то весьма оправдываетъ наши надежды: нѣкоторыя статьи очень хороши, въ особенности же простой и граціозный разсказъ г. Марки Вовчка: «Надежда». Такое дѣло, какъ изданіе «Народнаго Чтенія», весьма ново у насъ, и было бы крайне несправедливо отзываться о немъ слишкомъ строго и придирчиво. Мы съ своей стороны, отъ души желая успѣха этому изданію, твердо увѣрены, что распространеніе его между нижними чинами было бы весьма для нихъ пригоднo и полезно.

ламъ разсыпнаго строя, если при этомъ обратимъ особенное вниманіе на приученіе его къ глазомеру, или вѣрному опредѣленію разстоянія одного предмета отъ другаго, то, намъ кажется, перечислимъ весь послѣдовательный ходъ его пригготовительнаго обученія въ рекрутской школѣ.

Намъ остается только прибавить, что годъ, съ пользою проведенный рекрутомъ въ школѣ, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть значительное вліяніе и на всю будущую службу и дальнѣйшее его развитіе.

Съ образованіемъ умственнымъ и нравственнымъ, безъ всякаго сомнѣнія, тѣсно связано и другое—воспитаніе духовное, развитіе того сознательнаго и вѣрнаго религіознаго чувства, недостаткомъ котораго такъ рѣзко отличается масса нашего народонаселенія, особенно податное состояніе, несущее рекрутскую повинность. Говоря это, мы не думаемъ сказать, что народъ нашъ не религіозенъ. Напротивъ того, имѣвши близкія отношенія съ нимъ, любя искренно его за многія прекрасныя начала, мы очень хорошо знаемъ, какъ онъ дорожитъ святою вѣрою своихъ отцовъ и прадѣдовъ; но, къ сожалѣнію, должны признаться, что нерѣдко вся эта религіозность его проявляется только въ извѣстномъ исполненіи обрядовъ и установленій Церкви, часто непонятныхъ для простолюдина и соблюдаемыхъ имъ почти безотчетно.

И нашъ солдатъ, вышедшій изъ той же среды податнаго состоянія, имѣетъ тѣ же самыя недостатки. И его понятія о вѣрѣ такъ же сбивчивы и неясны, какъ сбивчивы и неясны представленія ребенка о предметахъ, недоступныхъ еще неокрѣпшему разуму. Оставленный безъ вниманія въ важномъ дѣлѣ духовнаго образованія, онъ, какъ дитя, блуждаетъ между истиной и ложью, между нелѣпыми и закоренѣлыми предразсудками, порожденными невѣжествомъ, и тѣми ясными, высокими обрядами, которые установила наша святая Церковь, онъ поминутно смѣшиваетъ ихъ между собою, и часто не умѣетъ остановиться на истинномъ и законномъ.

Нисколько не преувеличивая, потому что всякая истина понятна и безъ преувеличеній, мы съ грустію обращаемся къ подобному недостатку, тѣмъ болѣе замѣтному, что до сихъ поръ именно на него не обращалось должнаго вниманія.

Въ настоящее время, и прежде этого, требовалось, правда, отъ солдата знаніе нѣкоторыхъ молитвъ; многіе изъ ближай-

шихъ начальниковъ слѣдили даже за тѣмъ, чтобы нижніе чины по возможности часто ходили въ церковь; но это сухое знаніе развѣ многимъ лучше совершеннаго невѣдѣнія? Вытвердивъ молитву, заданный, но необъясненный урокъ, солдатъ естественно останавливался на каждомъ словѣ и выраженіи ея, не понимая значенія того или другаго.

Потому то мы думаемъ, что заучиваніе молитвъ хорошо и особенно полезно только при возможно подробномъ истолкованіи ихъ, и что великую пользу принесли бы солдату бесѣды полковаго священника, въ которыхъ бы онъ просто и понятно объяснялъ главнѣйшіе догматы нашей церкви. Какъ бы благотвѣтельно подѣйствовали подобныя бесѣды, какъ просвѣтлѣлъ и выяснился бы духовный разумъ солдата отъ такихъ спасительныхъ наставленій; какъ поднялась бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самая нравственность—неразлучная спутница сознательнаго религіознаго чувства!...

Слѣдить за главными и болѣе видными и понятными обрядами во время богослуженія — вотъ что можетъ дѣлать теперь даже тотъ солдатъ, у котораго больше, чѣмъ въ другихъ его товарищахъ, развита потребность молитвы; а этого, конечно, весьма мало и недостаточно для разумнаго исполненія христіанскихъ обязанностей.

Не мы первые, впрочемъ, говоримъ о необходимости духовнаго образованія нижнихъ чиновъ. Не упоминая о другихъ, въ одной изъ статей «Военнаго Сборника» за прошлый 1858 годъ, была высказана та же мысль, только авторъ ея напрасно выставилъ желаніе, что бы ближайшіе начальники сдѣлались наставниками солдата въ дѣлѣ духовнаго образованія. Не считая даже того, что у cadaго изъ ближайшихъ начальниковъ и безъ того много другихъ, болѣе свойственныхъ ему обязанностей, мы замѣтимъ только, что весьма часто многіе изъ нихъ отличаются отъ большинства нижнихъ чиновъ самымъ вѣроисповѣданіемъ: въ каждой части, по всей вѣроятности, пайдется не одинъ католикъ или лютеранинъ.

Мы, напротивъ, глубоко убѣждены въ томъ, что только полковыя священники имѣютъ право и должны заняться образованіемъ нижнихъ чиновъ въ религіозномъ отношеніи. Въ нашемъ солдатѣ сильно развито чувство любви и уваженія къ отцу духовному, и его слово и наставленіе легче и охотнѣе принимается,

тѣмъ слово и наставленіе самаго любимаго начальника, тѣмъ болѣе, что въ священникѣ онъ привыкъ видѣть не только пастыря церкви, но и духовнаго своего наставника; а слово наставникъ, въ понятіяхъ солдата, до сихъ поръ далеко еще не гармонируетъ со словомъ пачальникъ.

Высказавши это, мы думаемъ, что если въ продолженіе недѣли, для каждой роты, только одинъ разъ, полковой священникъ употребить на подобную бесѣду полтора или два часа, то подобный трудъ не будетъ для него особенно утомителенъ (*).

Назначеніе времени для бесѣдъ, конечно, слѣдуетъ предоставить самому священнику, который, такимъ образомъ, получить право, смотря по возможности, самъ распоряжаться этими занятіями и пользоваться тѣми часами, когда онъ болѣе свободенъ.

Въ общемъ распредѣленіи занятій роты, или другой части, всегда найдутся два свободныхъ часа въ недѣлѣ, такъ что бесѣды священника нисколько даже не стѣсняютъ и не помѣшаютъ успѣшному ходу остальныхъ предметовъ по образованію нижнихъ чиновъ.

Обращаясь снова къ образованію солдата, взглянемъ на тѣ измѣненія, которыя, такъ сказать, настоятельно требуютъ большаго его развитія.

Улучшеніе ручнаго огнестрѣльнаго оружія, небывалая прежде дальность его, невольно заставляютъ подумать о возможномъ сбереженіи войска отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Отсюда такое значительное развитіе разсыпнаго строя, какъ такого порядка, при которомъ солдатъ, не стѣсненный сохраненіемъ плотности строя и равеніемъ, можетъ и непременно долженъ умѣть воспользоваться малѣйшимъ прикрытіемъ, какъ защитой отъ мѣткихъ выстрѣловъ непріятели.

Но разсыпной строй, чаще обязывая солдата дѣйствовать по своему произволу и усмотрѣнію, необходимо требуетъ съ его стороны и большаго соображенія, и лучшаго умственного развитія. Имѣющій свои основныя правила, которыми можно только руководствоваться, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не облеченъ, и по существу своему не можетъ быть облеченъ, въ тѣ строгія и положитель-

(*) Въ рекрутской школѣ полковые священники могутъ заниматься и по два раза въ недѣлю, потому что рекрутъ будетъ имѣть болѣе свободнаго времени, тѣмъ солдатъ.

ныя формы, которыя имѣеть строй сомкнутый, при которомъ достаточно одного знанія уставовъ, по крайней мѣрѣ для нижнихъ чиновъ, чтобы участвуя въ немъ, не нарушить общаго порядка всей массы.

Впрочемъ, большее употребленіе разсыпнаго строя не есть еще главная и побудительная причина къ умственному развитію солдата. Употребленіе его только живѣе напомнило, на какой низкой степени находится нашъ солдатъ въ важномъ дѣлѣ умственнаго образованія; яснѣе и осязательно показало, что и для нижнихъ чиновъ далеко не бесполезно соображеніе, дѣлающее ихъ существами мыслящими, разумными.

Такая замѣтная перемена во взглядѣ на солдата заставила, конечно, прежде всего позаботиться о распространеніи грамотности, и мы видимъ, что на этотъ предметъ обращено уже достаточно вниманіе нашего правительства. Въ гвардейскихъ полкахъ, напримѣръ, уже другой годъ существуютъ полковныя и ротныя школы: однѣ для приготовленія учителей изъ знающихъ грамотѣ; другія для первоначальнаго обученія всѣхъ нижнихъ чиновъ, исключая, конечно, самыхъ старыхъ и совершенно неспособныхъ (*).

Завѣдываніе этими первоначальными ротными школами поручается обыкновенно, по назначенію ротнаго командира, одному изъ младшихъ офицеровъ, состоящихъ въ ротѣ.

Объ нихъ то мы и хотимъ нѣсколько распространиться. Еще недавно мы имѣли случай прочесть, что при введеніи грамотности во всей массѣ войска, можно предоставить нижнимъ чинамъ заниматься обученіемъ ей въ свободное время, словомъ, во время отдыха. Такая произвольность въ занятіяхъ, по нашему мнѣнію, совершенно неосновательна.

Кто служитъ въ строю, тотъ, вѣроятно, весьма хорошо знаетъ, что время отдыха, и вообще свободное время у солдата, очень неопредѣленно.

Обыкновенно свободнымъ временемъ въ этомъ случаѣ считаютъ послѣобѣденное время и весь вечеръ; но свободенъ ли солдатъ дѣйствительно въ эти часы? Можетъ ли человекъ называть себя свободнымъ, т. е. имѣющимъ право употребить извѣстный

(*) Тоже сдѣлано и дѣлается, сколько намъ извѣстно, и въ арміи, конечно въ меньшихъ размѣрахъ и сообразно съ мѣстными удобствами. *Ред.*

періодъ времени на занятія по своему произволу, когда ему приказываютъ «вычистить, или по крайней мѣрѣ, старательно вытереть ружье, привести въ порядокъ аммуницію, поучиться знанію сигналовъ, умѣнію собрать и разобрать ружье, и назвать всѣ составныя его части до малѣйшихъ подробностей, правильному прицѣливанію ружья на станкѣ и съ руки, тушенію свѣчь посредствомъ разбиванія капсюлей, необходимымъ правиламъ при сбереженіи оружія и чисткѣ его, знанію нѣкоторыхъ частей устава о гарнизонной службѣ, начальства (*), состава корпуса, дивизіи и полка», и разнымъ другимъ знаніямъ и умѣньямъ.

Конечно, всѣ эти предметы проходятся не въ одинъ разъ и не въ одинъ вечеръ; но какъ выучиваніе каждаго изъ нихъ отнимаетъ много времени, особенно у людей безграмотныхъ, и какъ за неисправность въ этомъ отношеніи нижніе чины подвергаются большимъ взысканіямъ, чѣмъ за неуспѣхи въ грамотѣ, то понятно, кажется, много ли будетъ обращать вниманія на такое обученіе, если предоставитъ на произволь, и слишкомъ понадѣяться на свободное время солдата.

(*) Начальникъ, не умѣющій избѣгать мелочей, можетъ встрѣтить при этомъ много трудностей и отнять у солдата значительную часть свободнаго времени. Мы помнимъ, напримѣръ, одного, который постоянно требовалъ, чтобы нижніе чины не только знали своихъ начальниковъ, но и произносили бы иногда весьма длинныя иностранныя фамиліи ихъ совершенно правильно, даже съ должными удареніями. Имѣя терпѣніе по цѣлымъ часамъ хлопотать съ однимъ солдатомъ, заставляя его говорить трудныя слова и фамиліи по складамъ; добившись наконецъ, что слышалъ совершенно правильно произнесенное слово или фамилію, этотъ пунктуальный начальникъ съ торжествомъ обращался къ своимъ подчиненнымъ, съ длиннымъ наставленіемъ о томъ, въ какомъ упадкѣ эта часть, какъ необходимо старательно заняться такимъ важнымъ предметомъ и т. п. Въ заключеніе своей рѣчи, желая показать, что труды его не пропали даромъ, онъ обыкновенно заставлялъ выученнаго имъ солдата произносить только что затверженныя слова и фамиліи, и каково же бывало его разочарованіе, когда онъ опять слышалъ «Миколай», вмѣсто Николай, Обвертаевъ (Обертагъ) и т. д. Но начальникъ былъ съ характеромъ, и по прежнему продолжалъ свои требованія относительно правильности произношенія. Исполнялись ли эти требованія его подчиненными — мы не знаемъ; но не можемъ не спросить: какую пользу приносило солдату подобное заучиваніе по складамъ и съ удареніями разныхъ фамилій, и не было ли лучше, если бы длинное время, употреблявшееся на эти упражненія, можно было удѣлить на другое полезнѣйшее занятіе, тѣмъ болѣе, что не сухое заучиваніе, а разумное распространеніе грамотности можетъ отучить солдата отъ неправильнаго называнія словъ, странныхъ оборотовъ рѣчи, и тому подобныхъ недостатковъ.

Мы, напротивъ, находимъ совершенно необходимымъ для занятій грамотностію назначить опредѣленное время, положимъ два часа въ день, и распоряженіе этимъ временемъ предоставить на полное усмотрѣніе офицеровъ, завѣдующихъ ротными школами.

Для занятія по обученію грамотности, у насъ обыкновенно вся рота раздѣляется на три разряда: въ первомъ находятся люди, умѣющіе читать и писать; во второмъ знающіе только читать, и наконецъ, въ третьемъ начавшіе обучаться азбукѣ. При этомъ каждый изъ людей перваго разряда имѣетъ у себя по два, и иногда по три ученика изъ третьяго разряда, распределенныхъ такимъ образомъ, что у одного находятся два совершенно незнающихъ, у другаго три умѣющихъ читать склады, или знающихъ азбуку (*).

Каждый изъ этихъ разрядовъ собирается въ недѣлю: первый одинъ разъ, второй два, и наконецъ третій три раза. Для того, чтобы люди каждаго разряда по возможности всѣ находились въ классѣ, офицеръ, завѣдующій ротною школою, даетъ знать въ роту, обыкновенно наканунѣ, что завтра онъ имѣетъ намѣреніе заниматься съ такимъ то разрядомъ, и тогда люди, находящіеся въ немъ, оставляются дома, а весь необходимый расходъ дѣлается изъ другихъ разрядовъ.

Вообще при этомъ мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что по нашему мнѣнію, образованіе солдата и въ другихъ отношеніяхъ должно идти по строго обдуманной и по возможности ничѣмъ не нарушаемой программѣ во все продолженіе года. Тогда только оно будетъ производиться безъ торопливости, такъ вредящей намъ постоянно, и тогда только каждый изъ завѣдующихъ частями, некончивши одного, не станетъ по необходимости начинать другаго. Поспѣшность, заставляя учить только тому, что видно и незнаніе чего можетъ скорѣе броситься въ глаза начальнику, приводитъ обыкновенно только къ тому, что образованіе солдата производится не для блага его и пользы, а только для того, чтобы показать товаръ лицомъ, забывая, что «скоро не бываетъ споро; а не скоро,—да здорово».

(*) Ученики эти даются собственно для того, чтобы въ случаѣ какого нибудь недоразумѣнія или затрудненія при обученіи, они знали, къ кому каждому изъ нихъ должно обратиться.

Эта поспѣшность, между прочимъ, причиною и того, что наши солдаты и въ настоящее время далеко не развиты, и исполняя, напримѣръ, во время лагернаго сбора, весьма ловко требованія разсыпнаго строя, въ продолженіе остальнаго времени года нисходятъ до того, что совершенно забываютъ то, что, повидимому, дѣлали съ такимъ сознаніемъ и ловкостію. Фактъ этотъ, или другой въ томъ же родѣ, вѣроятно, испыталъ каждый обучающій нижнихъ чиновъ.

Такимъ образомъ, желая въ одинъ годъ сдѣлать изъ солдата развитаго человѣка умственно и физически, мы обыкновенно достигаемъ только того, что черезъ весьма непродолжительное время опять должны возвращаться назадъ и учить его чуть-чуть не съ азбуки. Вотъ гдѣ надо искать грустную причину того, что многіе изъ нижнихъ чиновъ, всю свою службу учась одному и тому же, все-таки часто остаются совершенно невыученными. Что касается программы занятій въ ротныхъ школахъ, то она прекрасно опредѣлена въ Гвардейскомъ Корпусѣ, и какъ лучшаго и большаго желать трудно, по крайней мѣрѣ на первое время, то и слѣдуетъ вполнѣ руководствоваться ею въ этомъ случаѣ.

Мы, въ свою очередь, не разбирая cadaго изъ предметовъ, обозначенныхъ въ ней, поговоримъ только о нѣкоторыхъ изъ нихъ, и потому начнемъ съ усовершенствованія въ чтеніи. Говоря о томъ же при обученіи рекрутъ, мы замѣтили уже, что весьма трудную задачу почти для всякаго ученика составляетъ умѣнье рассказать своими словами прочитанное. По этому, и въ ротной школѣ, первымъ условіемъ при усовершенствованіи чтенія слѣдуетъ поставить необходимую осмысленность его. Дѣло это совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется сначала, и потому надобно остановиться на немъ по долѣе и по внимательнѣе (*).

И въ этомъ случаѣ терпѣніе со стороны обучающаго, равное и возможно ласковое обращеніе, много помогутъ успѣхамъ учениковъ, что, конечно, знаетъ всякій, занимавшійся обученіемъ грамотѣ.

(*) Нечего и говорить, что успѣхъ подобныхъ занятій не слѣдуетъ размѣрять по мѣсяцамъ и недѣлямъ. Выучиться читать толково, понимать и съ пользою для себя усвоивать прочитанное, — весьма нелегкая задача для неразвитаго человѣка, и требовать, чтобы онъ значительно успѣлъ въ этомъ занятіи въ какіе нибудь два три мѣсяца, значить только мѣшать успѣшному ходу постепеннаго обученія. «Не на пользу книги читать, когда только вершки съ нихъ хватать», говорятъ пословица.

Въ одно время и параллельно обученію здоровому и толковому чтенію, должно идти и обученіе письму и начертанію цыфръ, и для того лучше всего при самомъ началѣ заставлять учениковъ употреблять аспидныя доски, или писать мѣломъ на большихъ доскахъ, до тѣхъ поръ, пока они выучатся правильному и твердому начертанію буквъ, послѣ чего, давши бумагу, слѣдуетъ постепенно переходить на письмо съ прописи, заботясь при этомъ, чтобы ученикъ набилъ себѣ руку и приобрьлъ возможно красивый, или хоть ровный почеркъ.

Мы помнимъ то время, когда на это не обращали никакого вниманія, и едва умѣющаго читать унтеръ-офицера заставляли писать по диктовкѣ,—и далеко, конечно, не согласны съ подобною методою. Мы, напротивъ, основываясь на томъ, что ребенокъ, у котораго пальцы очень гибки и съ которымъ, по всей вѣроятности, занимаются старательнѣе и больше, и тотъ, обучаясь письму, сидитъ не одинъ годъ на прописи, — думаемъ, что гораздо рациональнѣе обучать и солдата письму съ прописи, для того собственно, чтобы онъ привыкъ и присмотрѣлся къ правильному и красивому начертанію буквъ, чего не достигнетъ въ письмѣ по диктовкѣ, гдѣ онъ, иногда не разслышавши слова, а часто и совсѣмъ непонявши его, сплошь и рядомъ пишетъ, что придетъ въ голову.

Возможно продолжительное обученіе съ прописи приноситъ еще и ту несомнѣнную пользу, что неволью и незамѣтно приучаетъ ученика писать правильно, безъ вопіющихъ грамматическихъ ошибокъ.

Такимъ образомъ, пришедши къ тому заключенію, что гораздо полезнѣе для ученика писать красиво и правильно съ прописи, чѣмъ ставить каракули по диктовкѣ, мы прибавимъ только одно, что подобнаго результата невозможно, да и не слѣдуетъ стараться достигать въ заранѣе назначенный срокъ, точно такъ же, какъ не слѣдуетъ постоянно держать ученика на одномъ только письмѣ съ прописи. Нѣкоторое разнообразіе въ занятіяхъ много облегчаетъ труды обучающаго, и потому вмѣстѣ съ упражненіями въ письмѣ, выучивши учениковъ писать цыфры, должно перейти къ обученію ихъ ариметикѣ, показывая дѣйствія надъ простыми числами, и постепенно доходя до дѣйствій съ числами именованными (*).

(*) Замѣтимъ кстати, что нижніе чины очень охотно учатся ариметикѣ, и весьма скоро ее понимаютъ.

Конечно, обученіе всему нами исчисленному не можетъ, покамѣстъ, относиться до всей безъ исключенія массы нижнихъ чиновъ, и потому-то, для избѣжанія этого и для большаго распространенія грамотности, мы находимъ не только справедливымъ, но и совершенно необходимымъ ввести занятія ею въ число другихъ обязательныхъ предметовъ по образованію солдата, и для того непременно назначить опредѣленное время, а не предоставлять этого на произволъ нижнихъ чиновъ. Если занимаюсь добросовѣстно, мы въ продолженіе каждаго года значительно подвинемъ тотъ или другой разрядъ, то само собою разумѣется, что черезъ нѣсколько лѣтъ въ числѣ неграмотныхъ будутъ только поступившіе на службу, и можетъ быть весьма ограниченное число старыхъ и совершенно неспособныхъ къ обученію нижнихъ чиновъ, да еще тѣ изъ мастеровыхъ, т. е. портныхъ, плотниковъ, сапожниковъ, басонщиковъ и др., которые, по своимъ постояннымъ занятіямъ, рѣшительно не имѣютъ времени для обученія грамотѣ.

Эта грамотность, введенная такимъ образомъ въ нашемъ войскѣ, принесетъ, конечно, немаловажную пользу, особенно если занятія ею будутъ производиться осмысленно и разумно.

Работая и трудясь для пользы, пора перестать намъ хлопотать для одного наружнаго вида, пора знать и постоянно помнить, что только сознательно усвоенныя свѣдѣнія приносятъ должные результаты, и не забываются такъ скоро.

Обученіе грамотѣ, или лучше правильныя занятія ею, такъ еще новы для всѣхъ насъ, что нѣкоторые и до сихъ поръ смотрятъ на успѣхъ этого дѣла съ замѣтнымъ сомнѣніемъ. Мы не принадлежимъ къ числу такихъ невѣрующихъ; но въ свою очередь думаемъ, что успѣхъ весьма легко можетъ сдѣлаться сомнительнымъ, если отъ насъ будутъ требовать въ одинъ годъ того, что приобрѣтается нѣсколькими годами, и если въ основаніи обученія будетъ лежать только большая численность обучающихся и обучившихся.

Приступая теперь къ фронтному образованію солдата, начнемъ съ одиночныхъ ученій.

Какъ извѣстно, большую часть осени и зимы занимаются у насъ именно этими одиночными ученіями, и если отдаютъ для нихъ такой значительный періодъ времени, значитъ, сознаютъ исполнѣ и необходимость ихъ и пользу. Дѣйствительно они необходимы. Солдатъ, по возвращеніи изъ лагеря, гдѣ по роду за-

нятій не могли обращать должнаго вниманія на его одиночную выправку, нѣсколько опускается. Припомнить то, что онъ незамѣтно утратилъ, конечно, дѣло одиночнаго ученя. Но приносятъ ли эти весьма продолжительныя ученя такую пользу, которой отъ нихъ дѣйствительно ожидать можно. Не обинуясь скажемъ, что не приносятъ, по крайней мѣрѣ, въ такомъ размѣрѣ, какъ бы это слѣдовало.

Унтеръ-офицеры и ефрейторы, обучающіе солдатъ, часто сами не имѣютъ достаточно навыка въ этомъ обученіи. Не совершенно развитые для того, чтобы умѣть только объяснить ученику своему каждое правило и необходимую сваровку, они до сихъ поръ еще имѣютъ привычку поправлять различныя неправильности въ стойкѣ или ружейныхъ приемахъ, руками, а не словами, а не имѣя достаточно вѣрнаго глаза, часто и пропускаютъ совершенно безъ замѣчанія какую нибудь ошибку.

По этому прежде начала одиночныхъ ученій, необходимо слѣдуетъ обратить вниманіе на подготовленіе учителей, и потомъ уже каждому изъ нихъ назначить опредѣленное число нижнихъ чиновъ на все время одиночныхъ ученій, съ тѣмъ, чтобы эти люди по возможности не переходили отъ одного учителя къ другому. Ружейные приемы до сихъ поръ дѣлаются у насъ твердо и съ сильными темпами: люди не отвыкли колотить руками по ружью при каждомъ приемѣ, да и сами мы не совѣмъ еще забыли то время, когда ловкій ударъ по ружью составлялъ необходимую принадлежность при исполненіи каждаго приема (*). Самое держаніе ружья въ плечѣ до сихъ поръ имѣетъ основаніемъ совершенно ненужное подтягиваніе приклада, что только утомляетъ солдата и нисколько не способствуетъ красотѣ его стойки. Второй приемъ на плечо при держанія ружья вольно весьма неудобенъ для ловкаго исполненія: лучше было бы, какъ намъ кажется, если бы съ первымъ приемомъ не накладывали только руку на шейку ложи, а вмѣстѣ съ этимъ накладываніемъ ставили и самое ружье по отвѣсу, какъ это дѣлалось, напримѣръ, при томъ же самомъ приемѣ одними унтеръ-офицерами, въ то время, когда остальные люди держали ружье въ лѣвой рукѣ. Тогда

(*) Нѣкоторые, желая избѣжать того, впадаютъ въ другую крайность, требуя, чтобы каждое движеніе руки по ружью было совершенно неслышно. Это опять преувеличеніе, одинаково бесполезное, и конечно, нисколько не нужное.

весьма длинный и неудобный переносъ ружья съ лѣваго плеча на правое нѣсколько сократился бы, и тѣмъ облегчилъ бы свое исполненіе.

Заряжаніа ружья по темпамъ хотя и должно производиться, тѣмъ болѣе на одиночныхъ ученьяхъ, собственно для того, чтобы можно было лучше и подробнѣе показать солдату каждый пріемъ и необходимую снаровку, но по самому уставу при дѣланіи этого сомкнутыми частями не слѣдуетъ требовать отчетливой ровности (*). Не смотря на это, и до сихъ поръ мы еще щеголяемъ идеальною ровностію въ выдѣлываніи каждаго темпа: всѣ полтораста рукъ роты, а иногда и шестьсотъ всего баталіона, все еще въ одно мгновеніе поднимаются, вывертываются, сжимаются и опускаются. Конечно, это, можетъ быть, и красиво; но за то кто не согласится съ нами, что совершенно бесполезно.

Маршировка съ носка и возможное вытягиваніе его, тоже, по нашему убѣжденію, безъ малѣйшаго ущерба даже красотѣ, легко могла бы замѣниться болѣе удобною и покойною для нижнихъ чиновъ маршировкой со всего слѣда.

На фронтовыя занятія, обыкновенно по утрамъ, назначается три часа, что, какъ намъ кажется, нѣсколько утомительно для солдата, особенно при одиночныхъ ученьяхъ. Вообще бѣольшую или мѣньшую продолжительность этихъ занятій слѣдовало бы предоставить на полное усмотрѣніе ближайшихъ начальниковъ, т. е. ротныхъ командировъ, не ставя имъ въ непремѣнную обязанность держать нижнихъ чиновъ на ученьѣ постоянно назначенное время. Эта опредѣленность, стѣсняя отчасти ротныхъ командировъ, вредитъ болѣе самому успѣху обученія, потому что солдатъ, при такомъ условіи, очень хорошо знаетъ, что какъ бы онъ ни учился, все-таки долженъ простоять, согласно приказу по полку, три часа во фронтѣ. Съ другой стороны, и ротный командиръ не можетъ поощрить тѣхъ изъ нижнихъ чиновъ, которые хорошо и прилежно учатся, уволивъ ихъ съ ученья раньше другихъ: доброе намѣреніе приписываютъ въ такомъ случаѣ безпорядку и слабости, особенно если подобный взглядъ не вполне согласуется со взглядомъ начальства.

(*) Воинскій уставъ о строевой пѣхотной службѣ. Часть III. Баталіонное ученье. 1856 года § 80 — «по 3-й командѣ баталіоннаго командира баталіонъ заряжаетъ ружья, безъ соблюденія общаго счета, живо, но безъ торопливости.»

Что касается обученія гимнастикѣ, то прежде всего мы замѣтимъ, что это занятіе не должно быть утомительно для солдата. Для того не слѣдуетъ долго держать его на разныхъ приготовительныхъ движеніяхъ: поворачиваніи головы, тѣла, бѣгѣ на мѣстѣ, ходьбѣ на носкахъ, сгибаніи и разгибаніи корпуса, отталкиваніи рукъ и т. п. Принося существенную пользу, тѣмъ не менѣе, движенія эти весьма утомительны, особливо когда при дѣланіи ихъ требуютъ возможной ровности и общаго счета, едва не по темпамъ, что кажется намъ совершенно лишнимъ.

Переходя къ упражненію на машинахъ, необходимо тоже наблюдать постепенность въ этомъ переходѣ, и главное не требовать отъ всѣхъ солдатъ одинаковой скорости при исполненіи каждаго изъ упражненій. Торопясь догнать своего товарища, и въ одно время съ нимъ взобраться, напримѣръ, на верхъ шеста, или веревки, мы не обращаемъ вниманія, что торопливость бываетъ иногда причиною того, что солдатъ обрывается съ нѣкоторой высоты, и легко можетъ подвергнуться значительному ушибу. Напротивъ того, прежде всего слѣдуетъ наблюдать, чтобы всякое движеніе на гимнастической машинѣ было сдѣлано не торопясь и правильно, а въ томъ, что однимъ исполняется оно быстрѣе, а другимъ медленнѣе, мы не должны видѣть особеннаго недостатка.

Обучая движеніямъ на гимнастическихъ машинахъ, не слѣдуетъ пренебрегать одними и сильнѣе налегать на другія, болѣе видныя и эффектныя. Бываютъ случаи,—и опять таки изъ одного желанія показать товаръ лицомъ,—что ротный командиръ весьма охотно допускаетъ именно эти эффектныя упражненія. Прыганье чрезъ лошадь безъ помощи рукъ, кувырканье чрезъ голову при этомъ прыганьи, вскакиваніе на лошадь спиною, горизонтальное подниманіе тѣла на шестѣ, взлѣзаніе на веревку кверху ногами, и тому подобные фокусы, если и могутъ быть иногда допускаемы, то съ большою разборчивостію, и какъ рѣдкія исключенія.

При обученіи гимнастики, необходима тоже нѣкоторая разборчивость и снисходительность къ успѣхамъ учениковъ: что легко и свободно дѣлается молодымъ и ловкимъ солдатомъ, то оказывается весьма труднымъ, а иногда и вовсе невозможнымъ, для прослужившаго болѣе продолжительный срокъ (*).

(*) Было бы весьма полезно занятія гимнастикой раздѣлить на два раз-

Роты въ каждомъ полку составлены неодинаково, и потому неслѣдуетъ сравнивать успѣха одной, лучше сформированной, съ успѣхами другой, имѣющей преимущество принимать всѣхъ отчисляемыхъ деньщиковъ, фурштатовъ, неспособныхъ къ музыкантской наукѣ, словомъ такихъ людей, которые далеко не подкрасятъ роты; не слѣдуетъ сравнивать собственно отъ того же, отчего нельзя требовать одинаковыхъ успѣховъ отъ дурнаго сложенія неуклюжаго человѣка, и отъ ловкаго, молодого и правильно сформированнаго.

Время для занятій гимнастикой до сихъ поръ у насъ какъ-то еще не опредѣлилось достаточно: одни того мнѣнія, что можно заниматься ею послѣ фронтоваго ученя; другіе находятъ болѣе удобнымъ назначать эти занятія вмѣсто ученя; мы думаемъ, что послѣднее мнѣніе справедливѣе перваго. Утомленный слишкомъ продолжительнымъ одиначнымъ ученіемъ, солдатъ по необходимости теряетъ и ловкость и силу, которыя такъ нужны для успѣшныхъ гимнастическихъ движеній. По этому, намъ кажется весьма полезнымъ фронтова ученья мѣнять съ занятіями гимнастикой и фехтованьемъ, назначая для нихъ по ровному числу дней, или, вѣрнѣе, утреннихъ часовъ, въ продолженіе каждой недѣли.

Умѣнье ловко владѣть ружьемъ, какъ холоднымъ оружіемъ, или фехтованіе, есть, конечно, необходимая принадлежность хорошаго обученнаго солдата. Обученіе этому искусству то же начинается съ приготовительныхъ приемовъ, которые, между прочимъ, болѣе всего утомляютъ солдата. По этому, обученіе фехтованію ружьемъ должно производиться весьма короткое время, и непременно передъ гимнастическими занятіями, а не послѣ нихъ. И при обученіи фехтованію мы легко и невольно можемъ замѣтить тотъ почти общій конекъ, ту слабость, доходящую до пристрастія и заставляющую всякое исполненіе размѣрять по темпамъ, и во что бы то ни стало добиваться ровности въ счетѣ, совершеннаго согласія и единства въ исполненіи каждаго приема. Всегда и неуклонно, въ силу прежней своей привычки, преслѣ-

ряда: занятія обязательныя и необязательныя для всякаго солдата. Къ числу обязательныхъ занятій можно бы отнести почти всѣ приготовительныя движенія и нѣкоторыя изъ самыхъ легкихъ упражненій на машинахъ; къ числу необязательныхъ — упражненія болѣе трудныя, то есть требующія силы, проворства, гибкости и ловкости.

дуя эту мысль, мы стараемся примѣнить ее ко многимъ предметамъ обученія солдата, забывая, что нѣкоторые изъ нихъ, по существу своему, не могутъ и не должны быть подводимы подъ тѣ условія, которыя, способствуя, можетъ быть, красотѣ, никакъ не способствуютъ пользѣ и даже самой успѣшности обученія, ибо налегая на единство въ исполненіи и ровность счета, требующія значительнаго навыка и упражненія, мы только по напрасну теряемъ время, которое могли бы употребить на другое, полезнѣйшее занятіе.

Умѣнье примѣняться къ мѣстности одно изъ главныхъ условій разсыпнаго строя, и потому, казалось бы выгоднѣе всего производить подобныя занятія съ нижними чинами прямо на мѣстности пересѣченной. Но во-первыхъ, первоначальное обученіе дѣйствіямъ разсыпнаго строя производится у насъ весною, по преимуществу на казарменныхъ дворахъ, или на плацу; во-вторыхъ, и это самое главное, обучая на мѣстности пересѣченной, трудно и почти невозможно услѣдить за ошибками обучающихся, особенно въ первое время, когда онѣ, конечно, повторяются чаще. Потому у насъ весьма справедливо принято обучать на мѣстности пересѣченной во время лагернаго сбора, когда нижніе чины уже достаточно тверды, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ правилахъ разсыпнаго строя.

Способность пользоваться каждымъ малѣйшимъ прикрытіемъ, умѣнье сберечь себя какъ можно внимательнѣе отъ неприятельскихъ выстрѣловъ, и въ свою очередь беречь свои выстрѣлы, не тратя ихъ по напрасну, смѣтливость и расторопность, вотъ тѣ условія, которыя считаются неотъемлемою принадлежностію разсыпнаго строя. Понятно, что всѣ они могутъ быть усвоены только вполнѣ развитымъ солдатомъ, и потому обучая дѣйствіямъ въ разсыпномъ строю, необходимо дѣлать это какъ можно внимательнѣе, по возможности объясняя нижнимъ чинамъ основательность каждаго требованія, всякаго правила, и весь вредъ, который можетъ произойти отъ неточнаго исполненія ихъ. Подобное обученіе составляетъ весьма значительный трудъ для обучающаго, и если цѣль его не всегда достигается, то причину того надо искать не въ нежеланіи ближайшихъ начальниковъ принять на себя такой трудъ, но въ необходимой поспѣшности обученія, по неимѣнію достаточнаго времени.

Располагая, напримѣръ, десятью ученьями, трудно перебрать по одиночкѣ всю роту, и поневолѣ довольствуешься тѣмъ, что

доходишь хоть до общей стройности и порядка, не вникая слишкомъ во всѣ подробности обученія такому весьма важному предмету.

Мы, впрочемъ, должны откровенно сознаться, что сказанное нами относится и до другихъ отраслей фронтоваго обученія солдата, и въ томъ, конечно, заключается много вреда, особенно для прочнаго и толковаго усвоенія нижними чинами тѣхъ свѣдѣній, которые составляютъ необходимую принадлежность военного человѣка.

Все дѣлается для виду, и въ томъ, — повторимъ опять, — виноваты не одни ближайшіе начальники, несущіе обыкновенно всю тяжесть отвѣтственности за обученіе ввѣренныхъ имъ частей.

Стрѣльба въ цѣль составляетъ одну изъ главныхъ принадлежностей хорошо образованнаго войска, и на мѣткость ея въ последнее время обращено значительное вниманіе нашего правительства. Но, къ сожалѣнію, мы все еще не достаточно упражняемся въ этомъ занятіи, и многіе изъ нижнихъ чиновъ, до сихъ поръ не убѣдившись въ важности его, какъ-то неохотно занимаются стрѣльбою.

Причина тому, сколько мы понимаемъ, заключается отчасти въ нашихъ гладкоствольныхъ ружьяхъ, далеко неудовлетворительныхъ для мѣткой стрѣльбы, отчасти въ немнѣйшій недостаточнаго времени по холодному климату; а болѣе всего въ томъ, что самыя условія для занятій стрѣльбою весьма обременительны для нижнихъ чиновъ.

Въ лагерное время, напримѣръ, самое удобнѣйшее для обученія стрѣльбѣ, солдатъ долженъ идти на мѣсто стрѣльбы, хоть изъ авангарднаго лагеря Гвардейскаго Корпуса, почти за пять верстъ, въ полной походной амуниціи, простоять тамъ около трехъ часовъ, и, возвращаясь домой, опять пройти тѣ же пять верстъ. Понятно, что подобная прогулка, особенно въ жаркое время, весьма утомительна, и что лучшіе стрѣлки въ ротѣ, которымъ приходилось прежде чаще другихъ ходить на стрѣльбу, смотрѣли на это преимущество, чуть-чуть какъ не на наказаніе. Конечно, и въ названномъ нами случаѣ можно, пожалуй, обвинить ближайшихъ начальниковъ, ибо ихъ дѣло *внушить* своимъ подчиненнымъ всю пользу и необходимость мѣткой стрѣльбы, а слѣдовательно и обученія ей; ближайшіе начальники это и дѣлаютъ; но, увы! не все внушаемое, даже и не ближайшими начальниками, припимается прочно и основательно.

Въ прежнее время валы для стрѣльбы въ цѣль устроены были около оврага, близъ лѣваго фланга авангарднаго лагеря Гвардейскаго Корпуса, и подобное мѣсто чрезвычайно удобно по своей близости. Съ проведеніемъ шоссе черезъ военное поле, валы эти оставили, устроивши другіе, за такъ называемымъ полигономъ, вѣроятно, для того, чтобы стрѣльба не мѣшала проѣзжающимъ; но намъ кажется, что легче этимъ послѣднимъ сдѣлать крюкъ въ какихъ нибудь двѣ версты, чѣмъ людямъ всей дивизіи каждый день ходить по десяти верстѣ (*).

Обыкновеніе производить стрѣльбу въ цѣль массами (напримѣръ, командами отъ двухъ полковъ, или отъ всей дивизіи) тоже значительно вредить успѣшному ходу обученія стрѣльбѣ. Невольная торопливость въ прицѣливаніи, происходящая отъ желанія не заставить долго ожидать выстрѣлившихъ въ другихъ полкахъ и ротахъ, и тѣмъ самымъ не задержать общаго хода стрѣльбы, ведетъ, конечно, къ тому, что солдатъ пріучается, не смотря на всѣ напониновенія обучающаго, стрѣлять на удачу, лишь бы не отстать отъ товарищей, выпустившихъ свои заряды ранѣ его; а это, съ своей стороны, приводитъ къ тому, что онъ не дорожитъ каждымъ патрономъ, не рассчитываетъ выстрѣла, примѣры чему такъ часто повторяются на манѣврахъ, когда нижніе чины стрѣляютъ чуть-чуть не въ упоръ своему противнику, или же на такомъ разстояніи, когда гладкоствольное ружье не имѣетъ никакой дальности.

Говоря объ обученіи цѣльной стрѣльбѣ, нельзя не упомянуть о томъ, какую бы пользу и помощь принесло этому необходимому искусству обученіе нижнихъ чиновъ глазомѣру. Практикуя глазъ свой, пріучаясь къ вѣрному исчисленію разстоянія одного предмета отъ другаго, рассчитывая и соображая, нижніе чины, вмѣстѣ съ тѣмъ, невольно и незамѣтно привыкали бы къ умственной работѣ, недостатокъ которой такъ ощутителенъ въ нихъ въ настоящее время.

Этими немногими замѣчаніями мы ограничимъ рѣчь свою касательно обученія стрѣльбѣ въ цѣль нижнихъ чиновъ. Мы огра-

(*) Занятія стрѣльбою въ цѣль въ зимнее и вообще холодное время, по нашему мнѣнію, могутъ принести пользу только въ томъ единственномъ случаѣ, когда солдатъ получить возможность учиться стрѣльбѣ въ тепломъ стрѣльбищѣ, находящемся по возможности вблизи отъ его казармъ. Ходить за нѣсколькими верстѣ, для того только, чтобы выпустить три пули, значить только понапрасну терять время и держать людей на холодѣ и вѣтрѣ.

ничимъ ее потому, что многія указанія и наставленія по этому предмету прекрасно изложены въ изданномъ въ 1856 году «Наставленіи для солдатъ, о томъ, какъ должно обращаться съ ружьемъ и учиться стрѣлять». Отдавая полную справедливость практичности этого «Наставленія», нельзя не пожелать, чтобы эта небольшая книжка, такъ уютно изданная, выписывалась въ роты не для того только, чтобы храниться въ ротной канцеляріи, или у отдѣленнаго унтеръ-офицера; а сдѣлалась бы настольною книгою и первымъ чтеніемъ всякаго грамотнаго солдата.

Умѣнье сберечь ружье и знаніе главныхъ частей, его составляющихъ, весьма необходимы для каждаго изъ нижнихъ чиновъ. И этотъ предметъ прекрасно изложенъ въ названномъ нами «Наставленіи», такъ что мы могли бы смѣло ограничиться только ссылкой на него, если бы не знали, что и при обученіи солдата сборкѣ и разборкѣ ружья встрѣчаются иногда слишкомъ замѣтныя преувеличенія, часто основанныя на одномъ пагубномъ желаніи похвастать большими успѣхами своей части. Чтобы замѣчаніе наше не было голословно, выписываемъ въ какой подробности въ нѣкоторыхъ полкахъ требуется отъ солдата знаніе, напримѣръ, составныхъ частей замка.

Замокъ состоитъ:

- 1) Изъ замочной доски.
- 2) Курка.
- 3) Лодыжки.
- 4) Крючка.
- 5) Личинки.
- 6) Перки.
- 7) Боевой пружины.

I. Замочная доска имѣеть:

а) Выступъ для пружины, б) валовую дыру, в) дыру для привертнаго нарѣзнаго винта, г) три дыры съ нарѣзами: одну для крючковаго, и двѣ для личиночныхъ винтовъ; д) двѣ дыры: одну для соска перки, другую для соска боевой пружины; е) щель для пятки перки; ж) гнѣздо для привертнаго нарѣзнаго винта.

II. Крючекъ имѣеть:

а) Головку съ гнѣздомъ и прорѣзью, б) шейку, в) спицу съ рѣшеткой, г) кругъ съ квадратною дырой.

III. Лодыжка имѣть:

а) Квадратъ съ нарѣзною дырой для лодыжечнаго винта, б) валикъ, в) вѣнчикъ, г) колесо, д) сосокъ.

Колесо имѣть:

1) Королекъ.

2) Два взвода — одинъ предохранительный и другой спусковой.

IV. Крючекъ имѣть:

а) Дощечку, б) хвостъ.

Дощечка имѣть:

1) Шепталу, 2) дыру для крючковаго винта, 3) вѣнчикъ.

V. Личинка имѣть:

а) Доску, б) заковъ.

Доска имѣть дыру для крючковаго винта, съ гнѣздомъ для головки винта.

Замокъ имѣть дыры для личиночныхъ винтовъ, съ гнѣздами для головокъ винтовъ.

VI. Перка раздѣляется на заднее и переднее перо.

Заднее перо имѣть:

1) Сосокъ, 2) пятку.

Переднее перо имѣть загибъ.

VII. Боевая пружина раздѣляется на большое перо и малое перо.

Большое перо имѣть королекъ.

Малое перо имѣть: 1) сосокъ, 2) пятку и вообще загибъ.

Конечно, весьма было бы желательно, чтобы каждый изъ нижнихъ чиновъ зналъ всѣ эти и имъ подобныя мелочи, но можетъ ли съ успѣхомъ исполниться подобное желаніе? Все, пожалуй, можетъ исполниться, если только начальство прикажетъ, но за то сколькихъ трудовъ, какого напряженія, памяти, особенно отъ человѣка неграмотнаго, потребуеть подобное исполненіе.

И если мы заговорили объ этомъ, то единственно потому только, что глубоко убѣждены въ той непреложной истинѣ, что и въ дѣлѣ образованія солдата всякое требованіе должно имѣть извѣстную мѣру и необходимое ограниченіе. Вотъ почему намъ кажется совершенно достаточнымъ, если при обученіи сборкѣ и разборкѣ ружья и должному сбереженію его, мы станемъ руководствоваться печатнымъ «Наставленіемъ для солдатъ», тѣмъ болѣе, что если оно издано, то при этомъ изданіи, вѣроятно,

была же какая нибудь цѣль и назначеніе. Болѣе подробныя свѣдѣнія по этому предмету, пожалуй, могутъ объясняться унтеръ-офицерамъ и ефрейторамъ; но не должны имѣть мѣста при обученіи всѣхъ нижнихъ чиновъ, и особенно людей неграмотныхъ.

Оканчивая нашу статью, мы хотимъ оговориться. Имѣя въ виду прежде всего пользу и благо нашего солдата, который вполне достоинъ любви и уваженія, мы старались добросовѣстно высказать наше мнѣніе по поводу постепеннаго образованія его, проникнутые полнымъ убѣжденіемъ, что только правдивый голосъ, такъ или иначе, можетъ способствовать столь великому и насущному дѣлу, каково образованіе нижнихъ чиновъ. Если статья наша послужитъ поводомъ къ разъясненію нѣкоторыхъ вопросовъ, — мы съ удовольствіемъ и благодарностію примемъ всякое замѣчаніе, зная очень хорошо, что только гласность и прямой и благородный обмѣнъ мнѣній могутъ принести пользу дѣлу общему, полезному.

В. П.